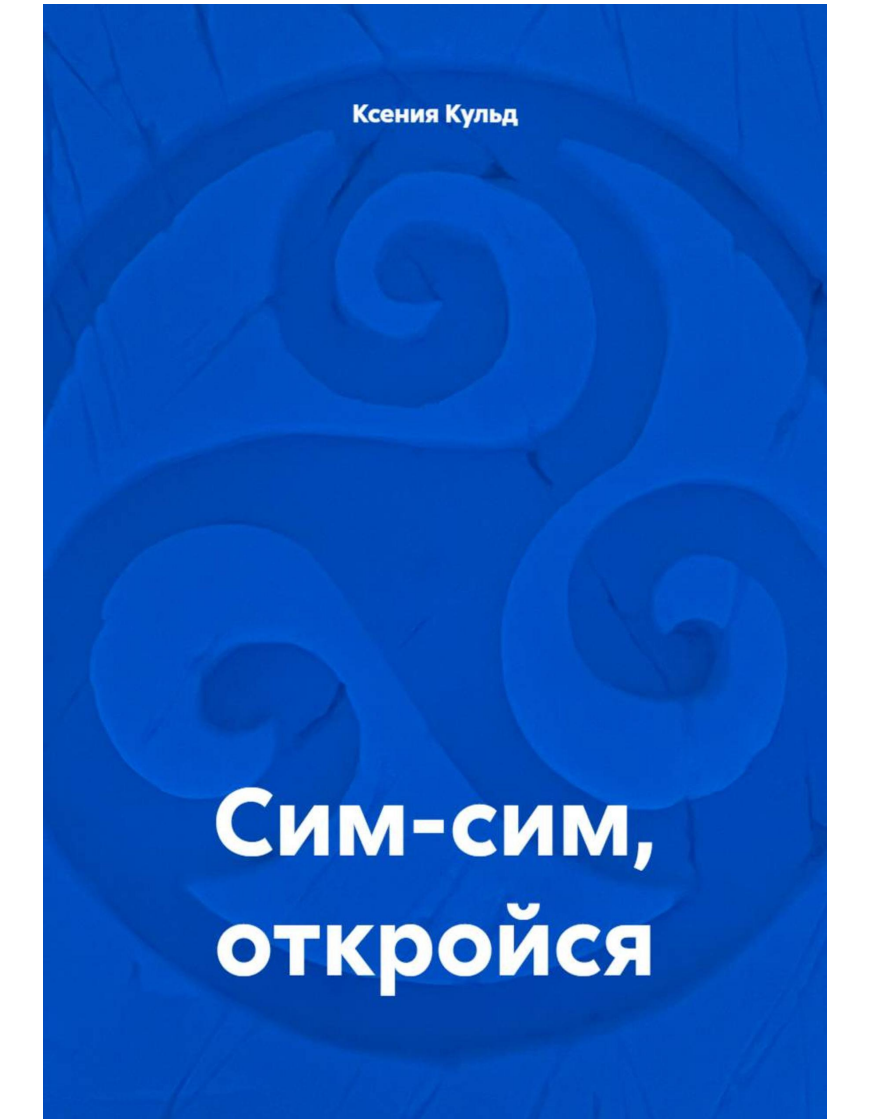

Ксения Кульд

Сим-сим, откройся

Ксения Кульд

Сим-сим, откройся

<https://litres.ru/74443558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Терапевтический рассказ о женщине, несущей родовой страх маленького мальчика из военного прошлого. Она отправляется в путешествие в прошлое своего рода, чтобы обрести исцеление от страха, которому она не может найти причину в рамках своего прошлого. Автор показывает, как мы переплетены со своими предками и как их чувственный опыт может иметь отголоски в нашей жизни. Эмоциональная безопасность начинается там, где мы можем чувствовать только свои чувства. Героиня проходит путь выхода из семейного переплетения и получает свободу жить свою собственную жизнь.

Ксения Кульд

Сим-сим, откройся

Глава 1

...В зал времени мы входим в свой черёд;

Играя там, советов мы не просим.

Назад мяча мы ни за что не бросим:

Мяч золотой бросают лишь вперёд.

Б. Фон Мюнхгаузен

Дер. Пегрема, Карелия, 2018 год

Вся группа двинулась в сторону мыса осматривать памятник деревянного зодчества — часовню Варлаама Хутынского постройки XVIII века. Ольга отстала от группы. Стояло пышное карельское лето. Травы и деревья, словно предчувствуя скоротечность северного лета, отчаянно быстро хотели набрать свой максимальный сок. Чёрные избы, амбары, хлева торчали россыпью седых досок вдоль того, что когда-то было центральной деревенской улицей.

Ольгу тянуло вглубь деревни, словно что-то внутри, помимо неё, знало, что ей нужно туда. Она ещё не понимала, что её ведёт не любопытство и не случайность. Её вела сама земля, по которой она ступала, — древняя, хранящая память голосов, которых уже нет в живых. Каждый шаг отзывался в груди глухим эхом, будто она наступала на струны забытого инструмента. Ольга в последнее время экспериментировала с доверием к себе. Это не было её встроенной опцией. Осознав важность этого навигационного инструмента в жизни, Ольга настраивала его вручную. Шла по приборам, как говорят пилоты, — раз автопилот был неисправен. Каждый шаг давался ей с усилием: привычный голос внутри шептал, что она сбивается с пути, что лучше бы вернуться к группе, быть как все, не выделяться. Но Ольга уже научилась отличать этот голос — голос страха, притворившегося благоразу-

мием, — от тихого, но настойчивого зова души. А ещё был третий голос — беззвучный, похожий на гул колокола под водой. Он шёл не из неё, а из-под земли, из тех слоёв, где время свернулось в кольцо и ждало, когда его разомкнут.

Ольга знала, что предки её восходили к саамам и жили где-то то ли на территории Финляндии, то ли в Карелии. В детстве Ольгу дразнили белобрысой за светлые волосы и такие же, будто выгоревшие на солнце, брови. Хитрый прищур чуть раскосых глаз обрамляли совершенно белые ресницы.

Доверившись интуиции, Ольга пошла в сторону отдалённого строения. Дом совсем покосился и осел на задние лапы. Казалось, он хотел вовсе опрокинуться на спину, чтобы наконец увидеть небо остатками окон, которые всю жизнь смотрели в палисадник. Внутренняя приборная доска мигала множеством лампочек и подсказывала, что ей сюда. Она заглянула в разверстую глазницу дома. Крыша почти вся провалилась. Но дом ждал и, как раненый кит, из последних сил дышал оголёнными рёбрами стропил. В центре жилища весёлыми розовыми стрелами в небо устремлялся иван-чай. Жизнь пробивалась там, где, казалось, ей не место.

Ольге стало не по себе. Она почувствовала страх. Руки и ноги мгновенно похолодели, заняло в солнечном сплетении, к горлу подкатил ком. Этот замораживающий страх был ей хорошо знаком. Он был её всегдашним спутником. Умница и красавица, каких поискать, она никогда не могла заявить о себе. Любое её проявление в мире было завёрнуто

в саван крайней неуверенности. Под саваном мёрзла душа, скованная неясным, непонятно откуда взявшимся страхом. Она часто обнаруживала, что плечи её приподняты и напряжены, будто бы кто-то держал её сзади за плечи и шептал на ухо: «Сиди, не высовывайся». Она носила этот страх в теле так долго, что он стал её вторым скелетом — невидимым, но несгибаемым. Она привыкла к нему, как привыкают к шуму поездов за окном: перестала замечать, но он продолжал грохотать, заглушая всё остальное. Напряжение жило в теле так долго, что срослось с ним и перестало осознаваться. Ольга жила тихо, не отвечивала, никогда не просила для себя, не ставила целей и не добивалась своего. Просто плыла в мутном потоке неизвестно куда. К комплиментам относилась сложно — никогда не могла присвоить сказанных в её адрес добрых слов. Они падали на неё, как капли на непромокаемый плащ, и скатывались, не оставляя следа. Она не верила в них, потому что не верила в себя. Хотя красотой и умом природа явно её не обделила, но вот забыла подмешать активатор всего этого богатства. Вот оно и качалось на цепях в хрустальном горбу, в ожидании того, что наконец её разбудит. Подруги и с более скудными дарами от природы строили головокружительные карьеры, меняли красавцев мужей и не соглашались на меньшее для себя. А Ольга шаталась бледной тенью на ветру, то ли есть она, то ли нет. Она боялась занять место, боялась, что её увидят, — и одновременно отчаянно хотела, чтобы кто-то нашёл её и сказал: «Ты

имеешь право быть. Ты есть».

Ольга смотрела сквозь оконный проём дома словно зачарованная. Она чувствовала, что дом сообщает ей что-то важное, но не могла расшифровать послание. Что-то внутри подсказывало: здесь, в этом доме, хранится ключ. Она просто ещё не знала, к какой двери. А потом она заметила то, что не заметила сразу: над дверным проёмом, почти стёртый временем, виднелся резной знак. Не крест. Не солнце. Что-то похожее на разомкнутое кольцо — или на птицу, расправляющую крылья. Ольга коснулась его пальцами, и дерево под её рукой оказалось тёплым, хотя солнце давно ушло за тучи.

В тот же миг ветер стих. Тишина стала плотной, почти осязаемой. Ольга услышала, как где-то внутри дома, глубоко под слоем гнилых досок и земли, что-то щёлкнуло. Как будто замок, пролежавший в ржавчине столетия, наконец поддался. Сим-сим открылся.

Дер. Пегрема, Карелия, 1942 год

Мама откинула выцветший лоскутный половик. Жалобно скрипнули половицы и, как сим-сим, отворили лаз в подпол. — Полезай! Живо! Ну! — зашептала она испуганному пятилетнему Серёженьке.

Мальчик понимал, что лезть придётся одному, и, не желая разлучаться с матерью, намертво прилип к её подолу. Она опустилась на колени и стала быстро осыпать светлую голову мальчика поцелуями. По бескровным губам текли горячие слёзы и мочили одуванчиковые волосы мальчика. Мать отлепила детский кулачок от своей юбки и опустила Серёжу в подпол. Полные слёз блюдца его глаз не мигая блестели из темноты.

— Сиди тихо, не высовывайся! — скомандовала мать, и крышка закрылась.

Через минуту по полу загрохотали мужские сапоги и раздался пронзительный крик матери. Но Серёжа этого не услышал. Ангел в костюме Оле-Лукойе намазал светлые реснички ребёнка сладким сиропом и раскрыл над ним свой волшебный зонтик. Мальчик проспал до утра и выбрался на свет невредимым.

В ту ночь, когда он спал в подполе, в часовне Варлаама Хутынского, где уже много лет не проходили службы, кто-то зажёл лампаду. Святой взял на себя молитву за мальчика,

которого не могла защитить мать.

Дальше была чередой детских приёмников-распределителей, детдомов, интернатов. Маму Серёжа больше никогда не видел. Он прожил тихую скромную жизнь, словно подчиняясь последнему завету матери: «Сиди тихо, не высывайся!» — который спас ему жизнь. Работал по столярному делу, которому обучился в одном из интернатов для детей войны. Имел жену — такую же круглую сироту, как и он, — и дочь Марию, названную в честь матери. Он сам не знал, что передал дочери не только имя, но и тот самый безотчётный страх, который когда-то спас его, а теперь душил её. Он передал ей завет, который был написан кровью, а не чернилами.

Санкт-Петербург, 2019 год

Сидя в мягком кресле кабинета психолога, Ольга в деталях описала состояние беспричинного страха, которое долгие годы мешало ей жить.

— А теперь позвольте проявиться более раннему воспоминанию, когда вы испытали подобное чувство, — сказал тихий, убаюкивающий голос терапевта.

Ольга прикрыла глаза и поплыла. Сначала по волнам своей памяти; события перелистывались пожелтевшими страницами её жизни, но никак не приходили к изначальному месту появления парализующего чувства. Она пыталась найти его в своих детских травмах, в школьных неудачах, в неудавшихся отношениях — но всё это было лишь эхом, а не источником. Она ныряла всё глубже, пока не обнаружила себя под разноцветным сказочным зонтиком. Рядом с ней сидел маленький мальчик. Он весь сжался в комочек и, казалось, целиком состоял из страха. Тело Ольги чувствовало этот знакомый страх каждой клеточкой, каждой волосинкой на спине. В этот момент она ощутила, что страх не принадлежал ей. Это было чужое чувство, которое она носила в себе так долго, что приняла за своё. Как принимают чужую одежду, которая мала, но уже не помнят, что когда-то было по-другому. Это был страх маленького мальчика, сидящего в крошечной темноте, пахнущей сыростью и звенящей бан-

ками подпола...

Мальчик поднял на Ольгу глаза и произнёс:

— Сим-сим, откройся.

Наверху появился квадрат солнечного света. Ольга вышла, точнее, выплыла в него. Движение было не телесным. Это двигалась и освобождалась душа. Она оставляла то, что ей не принадлежало, то, что она несла вместе с этим мальчиком, вслед за ним. Страх длился в ней как ниточка связи со своим родом, со своими предками. Но теперь Ольга поняла: эту нить можно было не рвать, а переплести — из чёрной сделать светлой. Ольга преданно исполняла завет обезумевшей от страха и горя матери. Мальчик изобразил некое подобие улыбки на прощание и без слов сообщил ей, что так будет правильно. Она должна уйти. Это не её место. Вместе с этим Ольга ощутила нечто похожее на благословение. Она вдруг поняла: она может чтить свой род не тем, чтобы повторять его раны, а тем, чтобы наконец исцелить их.

В тот же миг перед ней возник образ часовни. Не той, которую она видела в Карелии, а другой — сияющей, белой, с золотым куполом, уходящим в небо. Внутри стоял старик в простых одеждах. Он не говорил, но Ольга слышала его: «Ты открыла дверь, которая была закрыта для твоего рода семьдесят лет. Теперь ты не просто женщина. Ты — та, кто размыкает кольцо. Живи так, как они не смогли. Это будет лучшая молитва».

Связь с родом длилась и другими нитями — светлыми

и радужными, как костюм Оле-Лукойе. Связь могла быть наполняющей, дающей силы двигаться и продолжать жизнь предков вперёд. Ольга не могла спасти мальчика, даже если бы всю жизнь просидела с ним в подполе. Но она совершенно точно могла бы пропустить свою жизнь. Жить свою жизнь — лучшая благодарность роду.

Дом в Пегреме и часовня Варлаама были не просто местами, где жили предки Ольги. Они были вратами. И она прошла через них. Теперь дверь осталась открытой для неё и всех, кто придёт в этот род после неё, навсегда.

Сеанс закончился. Ольга вышла в шумный город и взглянула на него промытыми глазами. Она понимала, что что-то совершенно точно закончилось. Волшебное заклинание было произнесено, и Сим-сим выпустил её из пещеры. Не одну, а с сокровищем. Этим сокровищем была она сама. Этим сокровищем был её доступ к собственной жизни, которой теперь она могла распоряжаться свободно. Её плечи опустились, тело распускало напряжение. Ольга щупала на вкус новое внутреннее ощущение, перекатывая его в теле, как сладкую барбариску во рту. Она впервые чувствовала себя лёгкой — не потому что исчезли проблемы, а потому что исчезла тяжесть, которую она носила за кого-то другого. Теперь она могла проживать только свои чувства.

На вечернем небе зажглась первая звезда. С неё на Ольгу смотрел Святой Варлаам Чудотворец и улыбался. Она не видела его лицо — она чувствовала его присутствие, как тепло

от только что зажжённой свечи. И знала: он будет смотреть на неё всегда. Не как страж, а как свидетель. Как тот, кто когда-то тоже открыл дверь и шагнул в неизвестность.

У Ольги всё было впереди. Она знала это. Она чувствовала это каждой клеткой, каждой освободившейся ниточкой души. И где-то далеко, в карельской глуши, старый дом наконец выпустил из себя последний выдох и тихо осел на землю — ровно в тот миг, когда Ольга вышла из кабинета. Иванчай на его месте в ту же ночь расцвёл так ярко, как не цвёл никогда. Будто душа, много лет ждавшая свободы, наконец её получила.